

**АРТАМОНОВ ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ,
ЛУКИН ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ,
МУСИЕНКО ТАМАРА ВИКТОРОВНА**

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ ТЕОРИИ¹

АННОТАЦИЯ

Состояние вопроса. Начало разработки теории стратегической культуры было положено более семи десятилетий назад. К настоящему времени теория эволюционировала от теоретического обоснования поведенческих стилей элит, представлявших институты и службы безопасности, до разработки моделей использования национальных стратегических культур в качестве важного инструмента политической борьбы на глобальном и региональном уровнях. Следует констатировать существенное отставание отечественной политической науки от зарубежной в теоретическом осмыслении проблемы и выработке эффективных моделей противостояния англосаксонской стратегической культуре, имеющей откровенно агрессивное русофобское содержание.

Результаты. В ходе политического анализа эволюции теории стратегической культуры были выявлены четыре этапа ее развития и их особенности.

На первом этапе – 40-60-е годы XX века, основное содержание составляли исследования национальных стилей в стратегическом планировании в сфере национальной безопасности, вызванные военным столкновением в годы Второй мировой войны. Стереотипность исходных оснований и определенный этноцентризм как основные особенности этапа, подвлекли обоснованной критике и стимулировали дальнейшую разработку теоретических положений проблемы.

На втором этапе – 70-90-е годы XX века, исследователи разрабатывают методологию структурно-функционального анализа, институционализма и моделирования конкурентных отношений между региональными акторами. Это было вызвано наступлением эпохи ядерного сдерживания.

Третий этап исследований стратегической культуры оформляется на рубеже XX и XXI веков. Теоретический и методологический поиск осуществляется в этот период в рамках критического переосмысления предшествующих подходов и формирования тенденции в направлении неореализма. На основе компаративного анализа были выявлены различия и обоснования различных типов стратегической культуры и соответствующего стратегического мышления, а также поведения акторов.

На современном этапе эволюции теории основное внимание исследователей сосредоточено на динамике изменения стратегической культуры под влиянием угроз и рисков глобализации и конкретных событий, выявлении конкурирующих нарративов внутри самих стран, поиске эффективных моделей изменения существующих национальных стратегических культур в интересах доминирующих региональных стратегических культур – англосаксонской, европейской, азиатской (китайской). Эффективность применения результатов западных научно-исследовательских программ в политической практике подтверждаются процессом реформирования, например, украинской стратегической культуры с антироссийским трендом.

Область применения. Политические науки – в целях продолжения дискуссии по проблемам стратегической культуры, дальнейшей разработки теории с учетом современных условий столкновения стратегических культур на глобальном уровне, а также политическая практика поиска компромисса с целью минимизации вызовов, рисков и угроз в международных отношениях на региональном и глобальном уровнях.

Выводы. Дальнейшая разработка теории стратегической культуры актуализирована резким обострением противостояния национальных и региональных стратегических культур в разных геополитических стратегических регионах планеты.

Это противостояние вызвано двумя основными факторами: наличием и укреплением ряда национальных стратегических культур и стремлением к доминированию отдельных национальных и региональных стратегических культур.

В условиях использования национальных стратегических культур в качестве важного инструмента политической борьбы разработка моделей взаимодействия стратегических культур на основе компромисса может способствовать минимизации рисков в международных отношениях.

¹ В основу статьи положен научный доклад на VI Международном научном конгрессе «Глобалистика-2020: Глобальные проблемы и будущее человечества» 18 мая 2020 года, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва.

Уровень современного теоретического осмысления проблемы не соответствует сложности задач по обеспечению национальной, региональной и глобальной безопасности.

Ключевые слова: стратегическая культура, теория, классификация, конструктивизм, неореализм, структурализм, политический процесс, безопасность.

**ARTAMONOV V.S.,
LUKIN V.N.,
MUSIENKO T.V.**

STRATEGIC CULTURE: TO THE QUESTION OF THE EVOLUTION THEORY

ABSTRACT

Status of the issue. The development of the theory of strategic culture began more than seven decades ago. To date, the theory has evolved from the theoretical justification of the behavioral styles of elites representing institutions and security services, to the development of models for the use of national strategic cultures as an important tool for political struggle at the global and regional levels. It should be noted that Russian political science is significantly lagging behind foreign science in the theoretical understanding of the problem and in the development of effective models for countering the Anglo-Saxon strategic culture, which has an openly aggressive Russophobic content.

Results. In the course of political analysis of the evolution of the theory of strategic culture, four stages of its development and their features were identified.

At the first stage—the 40–60s of the XX century, the main content was the study of national styles in strategic planning in the field of national security, caused by a military clash during the World War II. Stereotyping of the initial grounds and a certain ethnocentrism as the main features of the stage, were subjected to reasonable criticism and stimulated the further development of theoretical provisions of the problem.

At the second stage – the 70–90s of the XX century researchers developed a methodology for structural and functional analysis, institutionalism and modeling of competitive relations between regional actors. This was caused by the advent of the era of nuclear deterrence.

The third stage of the wave of research on strategic culture is formed at the turn of the XX and XXI centuries. Theoretical and methodological research is carried out during this period in the framework of a critical rethinking of previous approaches and the formation of a trend towards neorealism. On the basis of comparative analysis, distinctions and justifications of different types of strategic culture and corresponding strategic thinking, as well as the behavior of actors, were identified.

At the present stage of theory evolution, the main attention of researchers is focused on the dynamics of changing strategic culture under the influence of threats and risks of globalization and specific events, identifying competing narratives within countries themselves, searching for effective models for changing existing national strategic cultures in the interests of the dominant regional strategic cultures – Anglo-Saxon, European, Asian (Chinese). The effectiveness of applying the results of Western research programs in political practice is proved by the process of reformatting, for example, the Ukrainian strategic culture with an anti-Russian trend.

Application. Political science – in order to continue the debate on strategic culture, the further development of the theory in the light of modern conditions of the clash of strategic cultures on a global level, and also political practice of compromise to minimize the challenges, risks and threats in international relations at the regional and global levels.

Conclusions. Further development of the theory of strategic culture is actualized by the sharp aggravation of the confrontation between national and regional strategic cultures in different geopolitical strategic regions of the planet.

This confrontation is caused by two main factors: the presence and strengthening of a number of national strategic cultures and the desire to dominate individual national and regional strategic cultures.

In the context of using national strategic cultures as an important tool of political struggle, the development of models for interaction of strategic cultures based on compromise can help to minimize risks in international relations.

The level of modern theoretical understanding of the problem does not correspond to the complexity of tasks to ensure national, regional and global security.

Keywords: strategic culture, theory, classification, constructivism, neorealism, structuralism, political process, security.

Обостряющееся противоборство на геополитическом глобальном пространстве наиболее значимых политических акторов и их сателлитов с использованием национальных стратегических культур в качестве важного инструмента политической борьбы актуализировало проблему стратегической культуры. Пандемия COVID-19 только обострила глобальное противостояние. На глобальном уровне следуют бездоказательные обвинения сторон в создании сложной ситуации для всего человечества. Так, евроатлантические средства массовой инфор-

мации окрестили COVID-19 «ссп-virus» – вирусом КПК (Коммунистической партии Китая): запустили в мировую электронную сеть «петицию» для подписания под названием «Расследовать, осудить и отвергнуть Коммунистическую партию Китая» [1]; в статьях с результатами исследований микробиологов внимание читателей акцентируется на вине Китая [2]. Вместе с тем Всемирная организация здравоохранения уходит от ответов о происхождении вируса и претензий в чей-либо адрес [3].

На полную мощность включены все ресурсы

и возможности противостояния. В условиях самоизоляции у значительной части населения появились новые возможности для использования самых современных IT-технологий в целях морально-психологического воздействия на массы. При подавляющем преимуществе англосаксонских электронных средств массовой информации, почти полном контроле за контентом Интернета эффективность воздействия американской стратегической культуры на население планеты возрастает еще больше. В полной мере это относится и к телевидению. Достаточно нажать на кнопку пульта ТВ и убедиться в степени американизации телевизионного контента, включая бесконечные жестокие, бездушные, якобы отечественные сериалы, слепленные по западным калькам с постоянными «вау», «океями», «детками», стрельбой, злыми «героями» и труппами. Национальные стратегические культуры за последние полвека подвергались такой англосаксонской обработке, что подчас мало чем отличаются от стратегической культуры-гегемона.

Эти обстоятельства повлияли на решение авторов продолжить политический анализ эволюция теории стратегической культуры, начало которому было положено пять лет назад [4-6]. Результаты исследования по этой проблеме прошли апробацию на VI Международном научном конгрессе «Глобалистика-2020: Глобальные проблемы и будущее человечества» 18 мая 2020 года в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова.

К настоящему времени, в целом, сложилось два основных способа классификации научных исследований по проблеме стратегической культуры: классификация на основе разделения соответствующих исследований на последовательные «этапы» эволюции теоретических подходов к концептуализации понятия, с одной стороны, и типологизация научной литературы на основе анализа результатов исследований, а также лежащих в их основе методологических подходов, с другой стороны.

В процессе анализа тенденций развития научного знания в области разработки теории стратегической культуры авторы определились в такой же

позиции, как и Онур Эрпул (Onur Ergul), который следовал традиции своих предшественников-исследователей [7].

Аластер Иэн Джонстон (Alastair Iain Johnston), Джон Гленн (John Glenn), Колин Грей (Colin S. Gray), Кен Бут (Ken Booth) в своих работах отмечали, что концепция стратегической культуры впервые появляется во время Второй мировой войны в форме исследования национальных стилей в стратегическом планировании в сфере национальной безопасности [8-11].

На этом первом этапе исследования были направлены на изучение географических и исторических контекстов формирования и реализации национальных стратегий государств с целью выявления тенденций и особенностей поведенческих стилей элиты, представлявшей институты и службы безопасности. Соответствующая линия исследований не получила углубленной проработки и развития, став объектом критики за стереотипность исходных оснований и определенный этноцентризм.

Параллельно линии по исследованию стилей национального стратегического планирования на фоне технологического прогресса в период после окончания Второй мировой войны и наступления эпохи ядерного сдерживания в стратегических исследованиях усиливается ориентация на подход, основанный на формальном моделировании конкурентных отношений между региональными акторами в рамках теорий рационального выбора, теории игр, что было характерно скорее для реализма как базового направления в теории международных отношений, основанного на методологии структурно-функционального анализа.

Реализм, как основа политического исследования стратегической культуры, основывается на этом этапе на методологии структурно-функционального анализа и институционализма, дополняемых элементами бихевиоралистского и конструктивистского подходов.

В завершённом виде такой вектор исследования стратегической культуры оформляется в 70-е – 90-е годы XX века.

Реальность ядерной вооруженной биполярной

конфронтации делала такой переход обоснованным. Несмотря на это, оставались опасения, что теория игр не даст достаточных оснований для понимания характера современных национальных стратегий различных стран.

Исходя из этих опасений, Джек Снайдер (Jack Snyder) в свое время подготовил доклад для Корпорации «РЭНД» под названием «Советская Стратегическая Культура: последствия для ограниченных ядерных операций». Этот доклад преследовал цель дополнить существующие исследования анализом организационной культуры (и субкультуры) советских руководителей.

Снайдер определил стратегическую культуру как совокупность идеалов, условных эмоциональных реакций и моделей привычного поведения, которые члены национального стратегического сообщества приобретают посредством обучения или имитируют таковые, демонстрируя или в действительности занимая общие позиции в отношении ядерной стратегии. Важно отметить, что Снайдер рассматривал стратегическую культуру не как нечто глубоко укорененное в истории, а как приобретаемое в рамках государственных институтов [12; 13, Р. 3-10].

По существу, такую концептуальную линию возможно рассматривать как следующий шаг в направлении неинституционального подхода в исследовании проблемы с особым акцентом на его культурологической и поведенческой составляющих, установлением последних в качестве перспективного вектора научного анализа.

Этот акцент получил развитие в работах такого представителя первого поколения исследователей стратегической культуры, как Колин Грей, внесшего весомый вклад в разработку проблемы. Хотя на этом этапе ключевой проблематикой оставалась проблематика стратегий ядерного сдерживания и национальных стилей стратегического планирования, во многих из этих исследований делалась попытка определить культурный контекст, в котором политики рассматривают ядерные стратегии своих стран.

У Колина Грея стратегическая культура предстает не столько как производная – некая резуль-

тирующая процесса социализации представителей истеблишмента, сколько как устойчивый культурный контекст этого процесса, среда, формирующая субъектов как носителей национальной стратегической культуры. Таким образом, Колин Грей исходил из того, что каждая система обеспечения безопасности имеет свой собственный культурно-исторический контекст, который социализирует стратегических субъектов, побуждая их вести себя определенным образом [14].

В онтологическом отношении второй этап исследований стратегической культуры основывался преимущественно на идеях и принципах критического конструктивизма, позиции которого в этой сфере научного анализа укрепляются в 80-е – 90-е годы XX века.

В качестве ярких представителей этой линии возможно рассматривать Бредли Клейна (Bradley Klein), Роберта Лукхэма (Robin Luckham) [15, 16].

Ключевым концептом конструктивистских исследований стратегической культуры выступает инструментальность (Instrumentality). Объектом исследования Клейна становится стратегическая культура американской элиты и аспект формирования в ее мировосприятии идеи американского гегемонизма.

В основе конструирования соответствующего дискурса – интересы элиты как субъекта политики в сохранении власти, собственной «гегемонии». Конструируемый дискурс, согласно Клейну, имеет тенденцию и закрепляться в мифах, используемых в качестве инструментов, формирующих в долгосрочной перспективе линию стратегического мышления и поведения новых поколений политической элиты.

В соответствии с логикой Клейна, стратегическую культуру формируют не исторические или социально-политические контексты, она конструируется сообразно интересам субъектов политики.

Особое значение приобретает конструирование особого языка коммуникации с общественностью как инструмента информационной политики по ретушированию реальных целей ядерной стратегии США, обеспечения ее восприятия общественностью как приемлемой.

Несмотря на сходство предмета исследования (стратегическая культура элиты, ядерная стратегия), отличие первого и второго поколений исследователей стратегической культуры состоит в отходе второй волны исследований от преимущественно институционального акцента с его классическими представлениями о роли государства и его безопасности.

Очевидным становится также смещение акцентов в сторону конструктивизма и интерпретативной методологии с их углублением в проблему идентичности и политических интересов элиты, а также секьюритизации элитами вопросов реальной политики.

Исходной посылкой конструктивистских исследований становится идея, согласно которой структура идентичности политических акторов (и, следовательно, стратегическая культура) конструируется intersubjectively. [см.: 7, P. 55-56; 15].

Исследования третьей волны отличаются большей эклектичностью и методологическим многообразием (Alastair Johnston, Michael C. Desch). Эта волна исследований стратегической культуры формировалась на рубеже XX и XXI веков, когда наблюдалось снижение влияния детерминизма структуралистских теорий, лежащих в основе реалистических трактовок стратегической культуры периода первой волны исследований и рост влияния конструктивистских подходов с их акцентом на идентичности и предпочтениях политических акторов. Отход от детерминизма в то же время сопровождался поиском новых методологических оснований исследовательских программ. Теоретический и методологический поиск осуществляется в этот период в рамках критического переосмысления предшествующих подходов, что способствовало его продвижению в направлении неореализма.

Новизна исследований третьей волны состояла в различении и обосновании различных типов стратегической культуры и соответствующего стратегического мышления и поведения акторов. В силу этого находит применение компаративный анализ, используемый для сравнения концепций различных типов стратегической культуры.

Все эти изменения в методологических подхо-

дах научно-исследовательских программ сопровождались неизбежными научными дискуссиями, которые возможно трактовать как дебаты между интерпретативистским и позитивистским подходами, между традиционно доминирующей структуралистской реалистической парадигмой и формирующейся конструктивистской [7, P. 56-57; 8, 17, P.148, 18].

Дэррил Хьюлетт (Darryl Howlett) в своем докладе Департаменту передовых систем и концепций Агентства по сокращению военной угрозы США (Defense Threat Reduction, Agency Advanced Systems and Concepts Office, USA) отмечал, что в XXI веке на основе современных исследований формируется новый стратегический культурный анализ, опирающийся на новые теоретические традиции, и в большей мере ориентирующийся на решение практических вопросов политики, актуальных для XXI века.

Особенность нового современного этапа развития научно-исследовательских программ (далее – НИП) состоит в том, что их разработка проходит в условиях, когда целый ряд субъектов глобальной политики как носителей различных типов стратегических культур, с одной стороны, и собственно глобализация, с другой стороны, кардинально меняют среду безопасности.

Если в рамках НИП трех предшествующих поколений исследований стратегической культуры исходной посылкой служило понимание контекста, в котором они развивались, то в настоящее время уже четвертое поколение исследований сосредоточено на динамике изменения стратегической культуры под влиянием угроз и рисков глобализации и конкретных событий.

Акцент делается на выявлении того, как эти реальные события влияют на культурно значимые тенденции стратегических решений в таких областях, как ОМУ, а также на выявлении конкурирующих нарративов внутри самих стран, с тем чтобы проанализировать, как они формируют поведение политических акторов (вместо того, чтобы приписывать этому актору какое-либо одно постоянное состояние стратегической культуры).

Это связывается с тем, что одновременно воз-

можно присутствие нескольких стратегических культур. Примером может служить Европейский Союз, в которой предпринимаются попытки формирования наднациональной, европейской стратегической культуры и сохраняются элементы национальных стратегических культур в таких странах, как Великобритания (до Brexit), Польша, Греция и других.

Хотя стратегическая культура может оставаться статичной в течение многих лет, даже десятилетий, она тем не менее может резко измениться в результате событий или других трансформационных воздействий. Убедительным примером служит деформация украинской стратегической культуры на этапе перехода от советского типа к национальной в рамках всего одного поколения [19].

К такого рода событиям и угрозам американский исследователь относит ракетные и ядерные испытания Северной Кореи, ядерную программу Ирана, риски использования ОМУ транснациональными террористическими организациями, необходимость поиска глобальных решений в сфере энергетики в контексте изменения климата.

Это имеет, подчеркивает Дэррил Хьюлетт, ключевое значение для понимания отдельных типов стратегической культуры, динамики региональной и глобальной безопасности [20, Р. 15-16].

Критическое переосмысление теоретических и методологических достижений предшествующих трех поколений исследований стратегической культуры и развернутая в связи с этим дискуссия имели результатом установление консенсуса относительно базового определения стратегической культуры, под которой понимается совокупность «общих убеждений, предположений и моделей поведения, основанных на общем опыте и принятых представлениях (как устных, так и письменных), которые формируют коллективную идентичность и отношения с другими группами, и которые определяют соответствующие цели и средства для достижения целей безопасности» [20, Р. 3].

Прогноз Д. Хьюлетта о перспективах развития стратегической культуры и влиянии конкретных политических процессов и событий на статику и динамику отдельных ее типов подтверждают

в своих выводах Марк Бисон (Mark Beeson) и Алан Блумфилд, (Alan Bloomfield), представленных ими на основе анализа тенденций современной динамики стратегической культуры Австралии [21, Р. 18-20; 22, Р. 64].

В частности, подъем Китая и растущая стратегическая напряженность между Пекином и Вашингтоном рассматриваются аналитиками в качестве определяющих внешнеполитических и стратегических вызовов для американских политиков. Отмечая активные действия Китая по включению Австралии в свою орбиту и постепенному дистанцированию других государств от возглавляемой США системы западного альянса, исследователи отмечают, что система действий администрации Д. Трампа только способствуют стремительному изменению стратегического курса австралийской политической элиты в сфере безопасности. Подтверждением этому может служить решение Австралии присоединиться к Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций (далее – АИВ) Китая вопреки американским установкам.

АИВ – международная финансовая организация, созданная в 2015 году по инициативе Китая (20,06 процентов голосов), Индии (7,5 процентов) и России (5,92 процента), с уставным капиталом в 100 миллиардов долларов США. Штаб-квартира этого банка в Пекине обозначает себя в качестве альтернативы МВФ (штаб-квартира – Вашингтон, США), Всемирному банку (Вашингтон, США), Азиатскому банку развития (Манила, Филиппины).

В настоящее время, считают аналитики, система Североатлантического альянса, разработанная Соединенными Штатами, за последние полвека, подвергается серьезному стресс-тесту, из которого она не может выйти невредимой. Если даже самые стойкие союзники, такие как Австралия, начинают сомневаться в ее достоинствах, то это вызывает вопросы о прочности возглавляемого США международного порядка в целом.

Основной урок для изучающих сравнительную стратегическую политику и политику альянсов, заключается в том, что специфические национальные стратегические культуры, с большой степенью вероятности станут определяющими факторами,

которые следует учитывать, чтобы определить, насколько прочными окажутся отношения между странами [23; 24, P.18; 25].

Найеф Аль-Родхан считает, что концепция стратегической культуры представляет собой аналитический инструмент, с помощью которого возможно выявлять закономерности, лежащие в основе международных кризисов, а также мотивы действий государств.

По его мнению, зачастую они связаны с исторически сохраняющейся тенденцией государств придерживаться политики сохранения традиционных сфер влияния. Стратегическая культура, подчеркивает аналитик, может оставаться стабильным фактором, оказывающим влияние на стратегическое миропонимание государств на десятилетия. Важно понимать, что стратегическая культура – это, по сути, попытка интегрировать культурные стереотипы и кумулятивную историческую память в рамках анализа политики обеспечения безопасности государств и международных отношений [26].

Т. Войтович (T. Wójtowicz), обращаясь к теме стратегической культуры в теории международных отношений, определяет, что она в настоящее время представляет собой одно из важных понятий, в котором в противовес реализму основное внимание уделяется влиянию внутренних факторов на внешнюю политику, таких как исторический опыт, национальная идентичность, нравственность и восприятие дипломатии политическими элитами.

Концепция стратегической культуры, таким образом, позволяет найти ответ на многие вопросы, на которые исследователи не в состоянии ответить, основываясь исключительно на теории политического реализма. К таким проблемам исследователь относит восприятие правительствами различных государств угроз национальной безопасности, национальный способ ведения войны, социально приемлемый уровень жертв, отношение вооруженных сил к использованию новых технологий или доверие к союзникам [27, P.103].

Исследуя тенденции развития европейской стратегической культуры, Ханнес Фломан (Hannes Floman) отмечает, что обстановка в области глобальной безопасности рассматривается сегодня как

быстро меняющаяся и непредсказуемая. Динамика изменений и восприятие европейскими элитами увеличения числа угроз как критического подвигают стратегическое сообщество ЕС к изменениям в своей стратегической культуре, выражающихся в осознании необходимости формирования общего, целостного подхода к безопасности, общей интерпретации безопасности.

В рамках ЕС, полагает Фломан, формируются элементы особой общей стратегической культуры, характеризующейся целостным комплексным подходом к конфликтам и кризисам, с помощью которого ЕС стремится подойти к проблемам безопасности.

В рамках комплексного подхода применение силы предстает одним из нескольких центральных компонентов и считается необходимым лишь на определенных этапах конфликтного цикла. Кроме того, комплексный подход по своей сути предполагает коллективный характер совместных действий в области обеспечения безопасности.

В то же время, в более широком плане ЕС стремится укрепить либеральный глобальный порядок, основанный на многосторонности и режиме международного права как базовой основы безопасности. Соответственно, второй отличительной чертой стратегической культуры в рамках ЕС является коллективный характер ЕС как игрока в сфере безопасности. Третья отличительная черта – стремление ЕС к позиционированию себя как либерального глобального актора [28, P. 47- 49].

Однако, вопрос о том, существует ли общая, тем более унитарная европейская политическая культура, остается спорным. Специфика европейской стратегической культуры определяется в немалой степени неоднородностью европейской политической культуры, и по сути, отсутствием собственно европейской идентичности. Это находит непосредственное отражение в реальной политике.

Все национальные образования, входящие в ЕС, совместно ведут переговоры относительно проблем безопасности, и результаты переговорного процесса могут в конечном счете обеспечить определение общих стратегических рамок курса на сни-

жение угроз и рисков. Однако особенность этого процесса на европейском уровне состоит в том, что под наднациональным уровнем ЕС и его институтами существуют также национальные стратегические культуры, которые формируют Европейский стратегический дискурс.

Так, отношение европейских стран к применению силы весьма неоднородно и является отражением разнообразной европейской истории и культуры, и это в конечном итоге приводит к формированию в этих странах различных стратегических культур. На практике эти различия выявляются при рассмотрении поведения европейских государств-членов в военном контексте. В ЕС многие государства-члены, как правило, колеблются при обсуждении вопроса о принятии решения о военном развертывании и активном вмешательстве, в то время как некоторые из крупнейших государств, таких как Великобритания и Франция, воспринимают вмешательство как законное действие, в случае, если должны быть обеспечены их национальные интересы. Другие страны, такие как Германия, ориентированы более пацифистки и анти-интервенционистски.

Но с учетом новых транснациональных угроз, исходящих от терроризма, полагает Марике Ломанс (Marieke Lomans), может появиться окно возможностей для работы в направлении формирования стратегического консенсуса в ЕС [29, 30].

В России, на наш взгляд, существуют значительные пробелы в теоретическом осмыслении такого важного концепта как стратегическая культура. Чаще всего исследования ограничиваются рамками анализа национальных стратегических культур, чаще всего американской [см., напр., 31].

Как правило, основное внимание уделяется противостоянию стратегических культур. Так, А.А. Бартош считает, что в концепцию стратегической культуры включены, прежде всего, темы эффективности военной силы, ее роли в межгосударственных политических отношениях, а также практически все остальные сферы жизнедеятельности страны, включая финансово-экономическую, административно-политическую и культурно-мировоззренческую.

Это, по мнению аналитика, и придает такое важное значение и «стержневую, определяющую роль стратегической культуры» при разработке стратегии национальной безопасности любого государства. Стратегическая культура, как инструмент гибридной войны, превращается в важный элемент межгосударственных отношений. Тожественен этой позиции подход А. Владимирова и ряда других российских экспертов [32, 33].

Следует выделить определение стратегической культуры, сформулированное академиком РАН А.А. Кокошиным.

Ученый понимает стратегическую культуру как инерционный социо-психологический феномен, протяженный во времени и подверженный минимальным изменениям не только в случае смены политических элит, но даже при смене политических систем и политических режимов.

А.А. Кокошин утверждает, что у ведущих стран в конкретно-историческом периоде сохраняются ярко выраженные черты национальной стратегической культуры.

По его мнению, стратегическая культура представляет собой «совокупность стереотипов устойчивого поведения соответствующего субъекта при масштабном по своим политическим задачам и военным целям применении военной силы, в том числе при подготовке, принятии и реализации стратегических решений. Стратегическая культура является атрибутом не только вооруженных сил или даже государственной машины, а всего народа в целом» [34].

По мнению Т.А. Алексеевой, формирование стратегической культуры происходит исторически и прямо зависит от суммы и содержания ценных выборов нации, которые определяют ее культурно-генетический код. Отсюда следует вывод о том, что «стратегическая культура – это способность нации к постановке и достижению стратегических целей бытия, подтвержденная исторической судьбой (успешностью) нации» [35].

Исследователь рассматривает стратегическую культуру и как инструмент международно-политического анализа проблем безопасности, и как

инструмент подготовки к переговорам с другими политическими акторами.

Т.А. Алексеева выявляет тесную связь теории стратегической культуры с конструктивистской парадигмой в теории международных отношений и считает методологические основания конструктивизма парадигмальным «вызовом» неореализму.

Она замечает, что разделение на «своих» и «чужих», существующее в национальных идеологиях, позволяет выделить отдельный параметр для исследования концепта «стратегическая культура» [36].

На постсоветском пространстве разворачивается процесс теоретического осмысления роли и значения стратегической культуры в современных геополитических процессах [см., напр., 37, 38].

Таким образом, дальнейшая разработка теории стратегической культуры актуализирована резким обострением противостояния национальных и региональных стратегических культур в разных геополитических стратегических регионах планеты.

Это противостояние вызвано двумя основными факторами: наличием и укреплением ряда национальных стратегических культур и стремлением к доминированию отдельных национальных и региональных стратегических культур.

В условиях использования национальных стратегических культур в качестве важного инструмента политической борьбы разработка моделей взаимодействия стратегических культур на основе компромисса может способствовать минимизации рисков в международных отношениях.

Уровень современного теоретического осмысления проблемы не соответствует сложности задач по обеспечению национальной, региональной и глобальной безопасности.

Высокая эффективность использования национальных стратегических культур в качестве важного инструмента политической борьбы западными государствами объясняется глубокой теоретической разработкой учеными теории стратегических культур и моделей ее практического применения.

При общем существенном отставании российских ученых в исследовании этой темы наметились отдельные тренды в изучении отдельных аспектов концепта, прежде всего военных и культурно-мировоззренческих.

Список литературы

1. To Resist the Chinese Communist Party Virus, Say No to the CCP. The Epoch Times. April 30, 2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.theepochtimes.com/editorial-there-is-a-cure-for-the-chinese-communist-party-pneumonia-say-no-to-the-ccp_3327913 (дата обращения 08.05.2020).
2. New CCP Virus Spread Swiftly Around World From Late 2019, Study Finds By Reuters May 7, 2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ntd.com/new-ccp-virus-spread-swiftly-around-world-from-late-2019> (дата обращения 08.05.2020).
3. *Nebehay S.* Coronavirus very likely of animal origin, no sign of lab manipulation: WHO [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-who-virus/> (дата обращения 08.05.2020).
4. *Лукин В.Н., Мусиенко Т.В.* Стратегическая культура: эволюция теории // *Credo new.* – 2015. – № 2 (82). – С. 104-122.
5. *Лукин В.Н., Мусиенко Т.В.* Изменение стратегической культуры: подходы и модели, ориентации и нарративы // *Credo new.* – 2015. – № 3 (83). – С. 197-221.
6. *Лукин В.Н., Мусиенко Т.В.* Стратегическая культура: проблема европейской безопасности // *Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б.Бобкова филиала РТА.* – 2015. – № 1 (53). – С. 138-154.
7. *Erpul O.* Strategic Culture and Turkey // *Foreign Policy. A Quarterly Journal of the Foreign Policy Institute.* – 2014. – Vol. XXXXI. – P. 51-66.
8. *Johnston A.I.* Cultural Realism: Strategic Culture and Grand Strategy in Chinese History. – New Jersey: Princeton University Press, 1998. – 328 p.
9. *Glenn J.* Realism versus Strategic Culture: Competition and Collaboration? // *International Studies Review.* – 2009. – Vol. 11. – № 3. – P. 523-551.
10. *Gray C.S.* National Style in Strategy: The

American Example // International Security. – 1981. – Vol. 6. – № 2. – P. 21-47.

11. *Booth K.* Strategy and Ethnocentrism. – London: Croom Helm, 1979. – 190 p.

12. *Snyder J.L.* The Soviet Strategic Culture Implications for Limited Nuclear Operations, RAND (September 1977).

13. *Snyder J.L.* The Concept of Strategic Culture: Caveat Emptor // Carl G. Jacobsen, Strategic Power: The United States of America and the USSR, London: MacMillan Press, 1990. – 519 p.

14. *Gray C.* National Style in Strategy: The American Example // International Security – 1981. – Vol. 6. – № 2. – P. 21-47.

15. *Klein B.* Hegemony and Strategic Culture: American Power Projection and Alliance Defense Politics // Review of International Studies. – 1988. – Vol. 14. – P. 138-144.

16. *Luckham R.* Armament Culture // Alternatives. – 1984. – Vol. 10. – № 1. – P. 1-44.

17. *Desch M.C.* Culture Clash: Assessing the Importance of Ideas in Security Studies // International Security. – 1995. – Vol. 23. – № 1. – P. 148.

18. *Desch M.C.* The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics / Peter J. Katzenstein ed. – New York: Columbia University Press, 1996. 560 p.

19. *Лукин В.Н., Мусиенко Т.В.* Украина: из кризиса или к коллапсу идентичности // Постоянно действующий круглый стол: История России и стран СНГ в научной литературе и СМИ: факты, события, интерпретации. Материалы III круглого стола: «Украинский кризис и пути его преодоления». – СПб.: СПбГЭУ, 2014. – С. 68-77.

20. *Howlett D.* The future of strategic culture // Prepared for: Defense Threat Reduction Agency Advanced Systems and Concepts Office. 31 October 2006. P. 15-16.

21. *Beeson M., Bloomfield A.* The Trump effect downunder: U.S. allies, Australian strategic culture, and the politics of path dependence // Contemporary Security Policy, Published online: 28 Mar 2019. P.18-20.

22. *Bloomfield A.* Issues in Australian foreign policy: January to June 2018 // Australian Journal of Politics and History. – 2018. – P. 641-656.

23. *Beeson M., Xu, S.* China's evolving role in global governance: The AIIB and the limits of an alternative international order / In K. Zeng (Ed.), Handbook of the international political economy of China Cheltenham. – Edward Elgar, 2019. – P. 345-360.

24. *Beeson M., Bloomfield A.* The Trump effect downunder: U.S. allies, Australian strategic culture, and the politics of path dependence // Contemporary Security Policy, Published online: 28 Mar 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.1080/13523260.2019.1594534> (дата обращения 07.07.2019).

25. *Lui, W., Hao, Y.* Australia in China's grand strategy. Asian Survey. 2014. 54, 367-395 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.1525/as.2014.54.2.367> (дата обращения 08.07.2019).

26. *Nayef Al-Rodhan.* Strategic Culture and Pragmatic National Interest // Global Policy Journal. 22. July 2015.

27. *Wójtowicz T.* A comparison of the strategic culture of the United States and the People's Republic of China // Polityka i Społeczeństwo. – 2018. – № 1(16). – P. 103-116.

28. *Floman H.* Solving the rubik's cube of European security strategy: Strategic Culture in the European External Action Service. Spring 2017. P.1-53. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://academia.edu/Documents/in/Strategic_Culture (дата обращения 10.05.2020).

29. *Lomans M.* Essay «Strategy»: Contemporary Security and Strategy: An European Strategic culture? // Military strategic studies. 2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://academia.edu/Documents/in/Strategic_Culture (дата обращения 10.05.2020).

30. *Kagan R.* Power and Weakness // Policy Review. – 2002. – P.3-28.

31. *Иванов О.П.* Американская стратегическая культура // Обозреватель. – 2007. – № 1.

32. *Бартош А.А.* Поединок стратегических культур, 08.02. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nic-pnb.ru/analytics/poedinok-strategicheskikh-kultur/> (дата обращения 19.05.2020).

33. *Владимиров А.И.* О национальной стратеги-

ческой культуре и национальной стратегии России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003356060> (дата обращения 19.05.2020).

34. *Кокошин А.А.* Стратегическое управление: Теория, исторический опыт, сравнительный анализ, задачи для России. – М.: МГИМО (Университет); (РОССПЭН), 2003. – 528 с.

35. *Алексеева Т.А.* Стратегическая культура: эволюция концепции // Полис. – 2012. – № 5. – С. 130-147.

36. *Алексеева Т.А.* Стратегическая культура

как инструмент международно-политического анализа // Общественно-политический альманах. Поиск. Альтернатива. Выбор. – 2016. – № 1(1). – С. 162-178.

37. *Биджоян Т.С., Саркисян О.Л.* Проблема определения понятия стратегической культуры // Седьмая годовая научная конференция (часть 1). – Ереван: РАУ, 2013.

38. *Саркисян О.Л.* О некоторых аспектах соотношения понятий «стратегическая культура» и «политическая культура» // Вестник РАУ. – 2014. – № 1(16).

Статья поступила в редакцию 12 мая 2020 г.

Принята к публикации 3 августа 2020 г.

Ссылка для цитирования: Артамонов В.С., Лукин В.Н., Мусиенко Т.В. Стратегическая культура: к вопросу об эволюции теории // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2020. № 3(31). С. 5-15. DOI: <https://doi.org/10.37468/2307-1400-2020-3-5-15>